

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Студенческая молодость — это навсегда!

25 января — День
русского студенчества
— Татьянин день.

История праздника
русского студенчества
тесно связана с историей
Московского университета.
25 января (12 января по
старому стилю) 1755 года
императрица Елизавета,
поддержав инициативу графа Ивана Шувалова
и Михаила Ломоносова, подписала указ «Об
учреждении Московского университета».

В 1791 году во имя святой мученицы
Татианы был также освящен храм
Московского университета. МГУ сегодня —
главный вуз страны. С того момента святая
Татьяна считается покровительницей
студентов и педагогов. Однако праздник
студентов отмечают сегодня с полным
правом во всех высших учебных заведениях
нашей огромной страны.

В учебных заведениях в этот день
проходят семинары, «круглые столы», встре-
чи выпускников, концерты, где награждают
особо отличившихся студентов. Учащиеся
принимают участие в различных мероприятиях
и конкурсах, радуются окончанию сессии, началу
каникул, настраиваются на второй семестр
учебного года.

Власти городов устраивают в этот день
концерты, ярмарки, спортивные соревнования.
Руководство университетов организует
студенческие балы, проводит викторины и
соревнования среди своих подопечных.

Одна из известных традиций Татьяниного
дня — призыв Шары. Ближе к вечеру 25 января
молодые люди открывают окна или выходят
на балкон. Там они трясут зачёткой в воздухе
и говорят: «Шара, приди». Считается, что
это принесёт удачу на экзаменах.

Многие из наших читателей вспоминают
годы студенчества как самое лучшее время
жизни. Это не только время зубрежки, но и
веселых студенческих пирушек, а для кого-то
и первой любви.

Поздравляю всех бывших и нынешних
студентов с этим замечательным праздником
и желаю сохранять молодой задор, тягу ко
всему новому всю оставшуюся жизнь.

Дмитрий ПЕРМИНОВ

Варианты построения медотходов

Уже известно, что с 01.07.2025 г. вступает в силу новое законодательство о медицинских отходах (часть положений — 01.09.2026 г.).

Среди прочего новый закон 306-ФЗ предусматривает изменения в порядке учета медотходов и соответствующей статистической отчетности. Учет обязаны вести все лица, работающие с медотходами (не только медучреждения, их образующие, но и «обеззараживатели» и «обезвреживатели»), причем они «передают полученные в результате такого учета сведения» в Роспотребнадзор.

Кроме того, Правительство РФ установит:

- порядок учета медотходов, включая состав передаваемых сведений,
- порядок информационного взаимодействия при этой передаче данных.

Дополнительно скажем, что государство сейчас активно стремится зафиксировать все движение отходов в цифровой форме, в электронных информационных системах. Это упрощает администрирование и делает ситуацию прозрачной для властей. Скорее всего, в отношении медотходов государство пойдет по подобному же пути.

Однако какая электронная система была бы наиболее удобна? Существует несколько вариантов различной сложности и степени охвата проблемы.

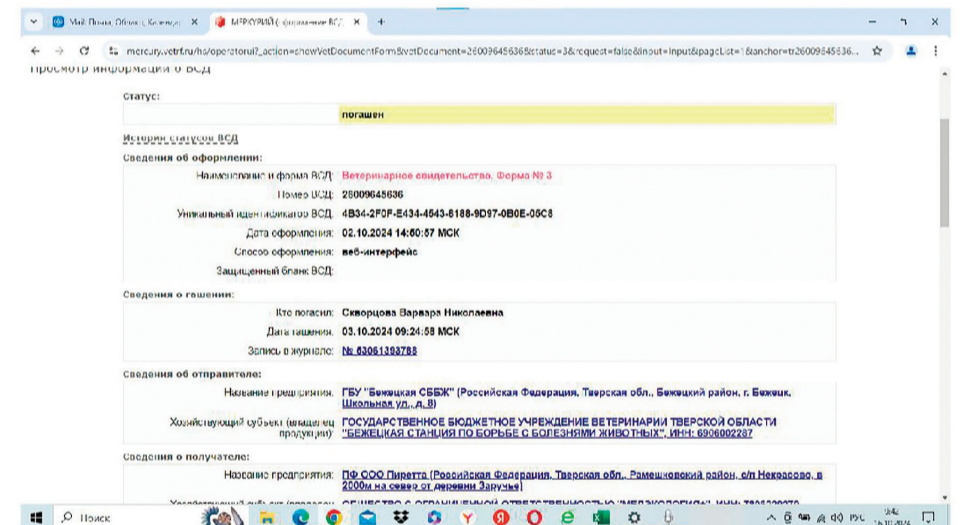
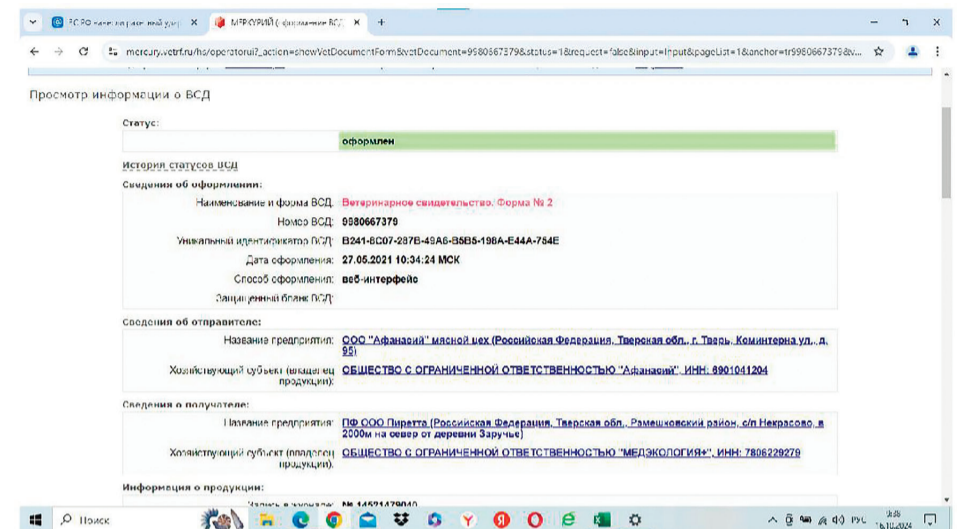
Самая простая схема такова: отходообразователь (больница) удаленно создает в системе электронный документ (заявку) на вывоз и обезвреживание отходов, а предприятие по обезвреживанию также удаленно ее подхватывает и «гасит». Плюс система помнит все эти документы и простым нажатием кнопки строит любые отчеты (в разрезе больницы, любого «обезвреживателя», региона, всей страны).

Что-то подобное внедрено в

ветеринарными отходами, там все движение отходов встроено в Федеральную информационную систему «МЕРКУРИЙ». Для любого биологического отхода во ФГИС «МЕРКУРИЙ» создается электронная заявка.

Там написано, у кого этот отход образовался (у мясного цеха завода «Афанасий»), кто его получатель (ООО Медэкология, утилизационная площадка расположена там-то), ниже еще написано, какой это отход (мясо, грудинка на кости, 91 кг) и что с ним дальше делать (для утилизации). Сверху — зеленая полоска, на ней надпись «сформировано». Когда утилизатор, зарегистрированный в «МЕРКУРИИ», «подхватывает» эту заявку, он «гасит» ее, зеленая полоска сменяется желтой с надписью «погашено». Таким образом, для государства ситуация совершенно прозрачна.

Простота подкупает, однако есть два минуса. Первый: весь учет внутри больницы будет по-прежнему вестись в бумаж-

ной форме. Кому-то это удобно, а кому-то и нет. И второй: недобросовестный «обезвреживатель» вполне может набрать и формально «погасить» огромный объем отходов, превышающий его фактические мощности. И у него на участке в очередной раз образуется гора медотходов до небес, распространяющая вонь и заразу и привлекающая крыс и собак.

Среди систем электронного учета отходов есть и вариант, который блокирует первый из этих двух минусов. Он применяется, например, в АИС «Электронный талон» — информационной системе для отслеживания перемещения строительных отходов в Московской области. Суть в том, что перевозить отходы водители могут только при наличии электронных талонов, талоны отмечают объектом, принимающим отходы, непосредственно при приемке и «гасятся» в системе при завершении утилизации или обезвреживания. При отсутствии электронного талона ГИБДД штрафует перевозчика. Минус

системы в том, что в ней ведется учет только перемещаемых отходов и нет учета их образования.

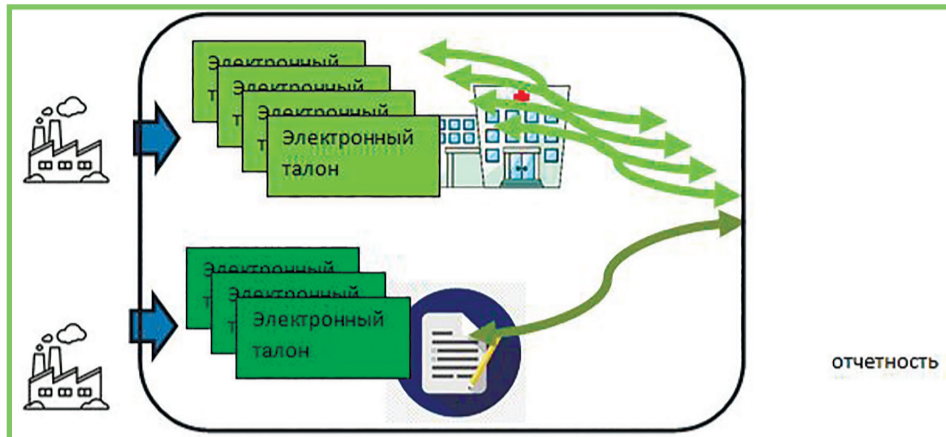
Для медотходов схематично это выглядело бы так.

Завод по обезвреживанию, зарегистрированный в системе, выпускает для больниц «электронные талоны», на основании которых они закрывают акты по оказанию услуг по своим отходам. И он не может выпустить этих талонов в сумме больше, чем позволяют его зарегистрированные мощности. Как только его мощности «закончатся», больнице надо будет переключаться на работу с другим аналогичным заводом. Зато гарантированно не будет нигде жутких свалок, отравляющих природу и население.

Однако наиболее полная цифровизация процессов достигается все-таки при другой схеме. Все мы знаем, что ежедневно в медицинских организациях образуется значительное количество медицинских отходов, обращение с которыми требует строгой регуляции и контроля для обеспечения

электронного учета в будущем

санитарно-эпидемиологической безопасности населения и соблюдения экологических требований. В настоящее время сотрудники медицинских организаций ведут множество бумажных журналов, заполнять и анализировать которые трудоемко. Возможно, имеет смысл создать и внедрить цифровую систему учета, мониторинга и контроля всех этапов обращения с медицинскими отходами, включая внутрибольничные процессы.

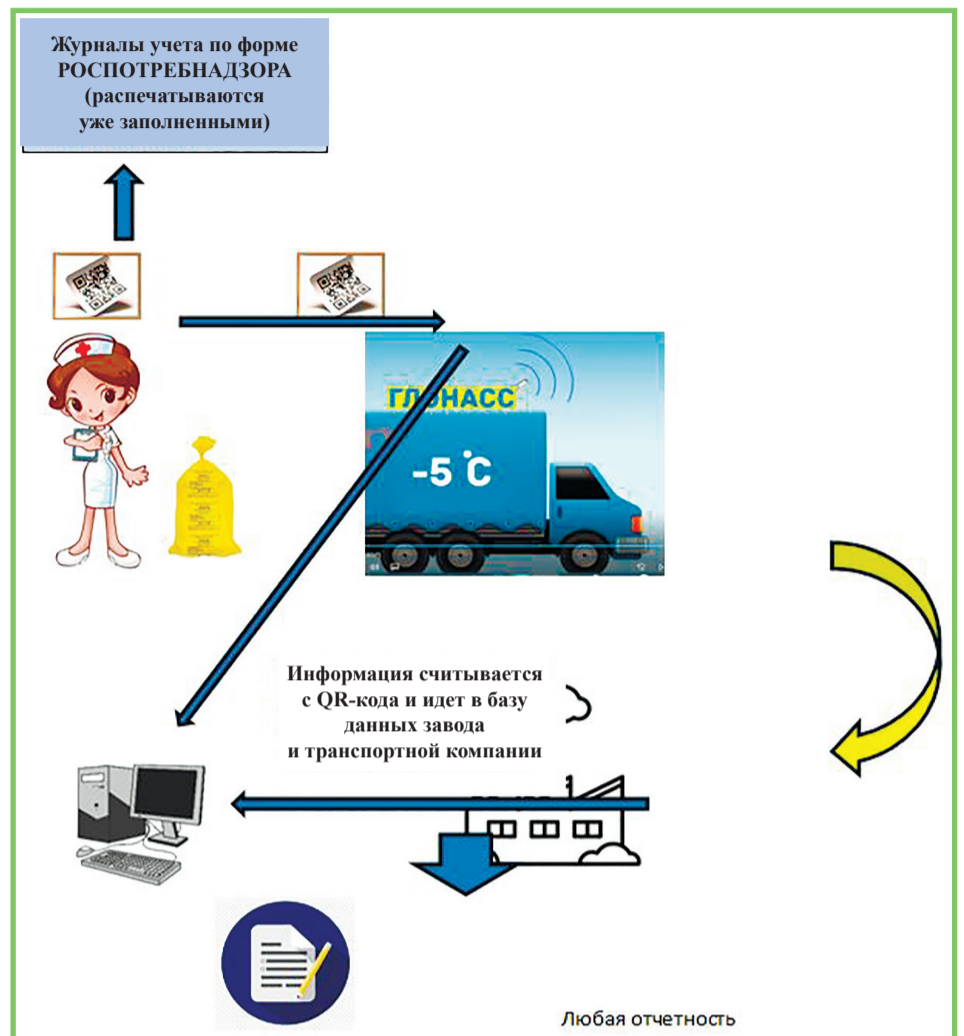
Системы подобного рода тоже уже существуют в нашей стране. Примером является федеральная государственная система учета и контроля за обращением с отходами I и II классов (ФГИС ОПВК), после внедрения которой количество инфоповодов с участием отходов I и II классов снизилось в разы.

Система включает в себя личные кабинеты для всех участников: образователей отходов, транспортировщиков, объектов обезвреживания и размещения отходов.

Образователи ведут в системе учет образования отходов, подают заявки на вывоз отходов и видят процесс движения отходов до их уничтожения или захоронения. На каждом этапе происходит фиксация начала и окончания процесса, приходят уведомления всем участникам заявки, что позволяет отходообразователю отслеживать качество выполнения работ.

Применительно к медицинским отходам можно было бы нарисовать такую схему.

Процесс работы с системой будет следующим: сотрудники медицинских организаций должны будут наклеивать одну наклейку с QR-кодом на упаковку или тару с отходами (подобно тому, как, например, наклейка прикрепляется на пробирки при взятии анализа крови в лаборатории Инвитро). В QR-коде будут содержаться данные о классе отходов, реквизитах медицинской организации, наименовании подразделения медицинской организации, в котором образованы данные отходы. После этого персоналу ме-

дицинской организации останется только передать промаркированные упаковки с медотходами на участки накопления.

При заборе партии медотходов сотрудники организации, забирающей медицинские отходы, будут сканировать QR-коды на упаковках, и данные будут отражаться в электронном журнале, из которого при необходимости можно в любой момент распечатать бумажный вариант журналов учета медотходов по форме СанПиНа как в структурных подразделениях, так и по организации в целом. Кроме того, система сможет сама формировать

статистическую отчетность. Сотрудники медицинской организации смогут отслеживать в режиме реального времени перемещение и конечную точку пребывания своих отходов. Внедрение цифровой системы сведет к минимуму вероятность обнаружения медицинских отходов в неположенных местах.

Автоматизированный ввод информации и системы проверки данных значительно ускорят оформление документов. В результате сотрудники медицинских организаций смогут уделять больше времени лечению пациентов и меньше — работе с бумагами. Весь процесс будет состоять всего из двух операций и станет таким же простым, как на кассе самообслуживания в супермаркете.

Внедрение такой цифровой системы учета медицинских отходов значительно улучшит контроль, эффективность и безопасность на всех этапах обращения медицинских отходов. Система обеспечит:

- оптимизацию процессов и повышение безопасности;
- сокращение ручного труда и ошибок в документообороте;
- инструмент для детального анализа, мониторинга и сравнения операционных данных.

Е.СИЛАНТЬЕВА
Эксперт по системам учета

Воскресная дочь

Лариса НОВОСЕЛЬСКАЯ

Она как будто забыла, что воскресенье теперь свободно, можно не спешить включаться в карусель домашних дел. И вдруг получила удар в сердце — вспомнила... главное, большое, от чего не убежать, не спрятаться! Воскресенье есть, а мамы больше нет! По её вине нет!

Она осела на кухонную табуретку и заставила себя сделать глоток кофе, без которого в голове не рассеивался туман.

После привычного ритуала сознание наконец включилось, но не придало Ольге Петровне ни бодрости, ни спокойствия. Наоборот.

Перед ней открылась отчётливая панорама случившейся катастрофы и яркая картина её вины.

Взяв чашку с кофе, она, будто убегая от этой страшной картины, переместилась в комнату, села в кресло и предавалась воспоминаниям, только не приятным, греющим душу, как о них поётся в песнях, а тяжёлым, жальщим, от которых, как от злого роя ос, ни отбиться, ни укрыться.

«Ну уж какие есть, они все твои, терпи», — приказала себе Ольга Петровна и начала методично, с мазохистским наслаждением перебирать болезненные подробности своего последнего дежурства у мамы.

...Есть воскресный папа, а есть воскресная дочь. Ею она и была нескончаемо долгое, как ей тогда казалось, время.

По-хорошему, маму давно надо было забрать к себе. Но та не хотела или делала вид, что не хотела, расставаться со своим домом, а главное, стеснялась зятя, мужа Ольги Петровны.

Честно говоря, Ольге Петровне и самой было неловко нагружать мужа, у которого есть и своя ноша — одинокая старушка-мать.

Но если тёща могла ещё и суп сварить, и лёгкую постирушку затеять, то дворянских кровей свекровь знай себе книжки читала и прогуливалась по двору, заложив руки за спину. Зато внуки её слушали, открыв рот: как она гимназисткой, а потом институткой была, как в полевом госпитале перевязывала бойцам раны. Не бабка, а живая история.

Зато у другой бабки дети были и сыты, и присмотрены, что позволяло их родителям спокойно работать.

Но это дело прошлое.

«Далёкое прошлое», — вздохнула Ольга Петровна и вернулась в мыслях к недавним временам своей, как сейчас модно говорить, карьеры воскресной дочери.

С тех пор, как мама сломала ногу (хорошо хоть не шейку бедра!) и передвигалась с «этажеркой», то бишь медицинскими ходунками, по комнатам, налицу не выходила, характер у неё совсем испортился.

Уставшую от тяжелых сумок, запыхавшуюся воскресную дочь почти всегда в отчем доме встречало угрюмое молчание или сердитое бурчание.

Когда-то лёгкая на подъём хлопотунья-хозяйка теперь как нахоплившаяся птица на ветке сидела перед телевизором и раздражалась.

С тех пор, как «сняли» её кумира — Михаила Горбачева, она всё и всех критиковала, особенно Ельцина. Ольга Петровна, наоборот, любила Ельцина, уж очень он был похож на покойного отца. Мать, конечно, тоже заметила это сходство, но по привычке скрывать свои чувства с вызовом заявляла, что видеть не может «эту харю». А сама тосковала и долго не могла осознать, что отец не просто вышел из дому по делам, а ушёл навсегда, безвозвратно, что «уже и косточки его сгнили», как случайно слетело с языка его дочери.

Вот за эти «косточки» Ольга Петровна будет винить себя до конца дней — так эта жестокая фраза огорчила, нет, просто убила мать — несгибаемую мужественную женщину.

Оказывается, суровая и непреклонная Васса Железнова, как называл её зять, обожала мужа. Но виду не подавала, как и отец, как и было принято в те суровые времена.

— Доча, — бывало, встречал на пороге Ольгу Петровну едва не плачущий отец, — бабушка совсем плохая!

На его языке это означало, что жена приболела и он пребывает в полной растерянности и отчаянии. Особенно настораживало в этой фразе употребление ласкового слова «бабушка», что у стариков бывало только в крайнем случае.

«Дед», «баба» — нежные и заботливые супруги стали так называть друг друга с появлением первого внука. По молодости, когда они стали родителями, обходились не только без нежностей, но даже без имён: говорили «отец» и «мать».

Удивительная тогда у людей была привычка: чуть ли не с первых дней совместной жизни смотреть на себя как бы со стороны — кем они являются не друг для друга, а для детей и внуков?!

Любовь, считалось тогда, это чувство для очень молодых. Проявлять её супругам было стыдно даже в сорок лет, не говоря уже о более зрелом возрасте. Даже называть друг друга по именам считалось чуть ли не нарушением приличий.

— Дед так просил полежать с ним, когда болел! А я, балда, не согласилась, — горевала мать, уже став вдовой. И покаяние это можно было считать настоящим, хотя и запоздалым признанием в любви.

Уже после похорон, когда «какая-то дура вспомнила Катюшку с шестой фермы» — подружку деда, о которой мать при жизни отца и знать не знала, Ольга Петровна лишний раз убедилась, как она его любила и ревновала.

...Отец был донжуаном и джентльменом, обладая врождённым талантом ненавязчиво, почтительно ухаживать за дамами. Всегда добродушный и обаятельный, он принадлежал к той редкой человеческой породе, которая всегда, как днище корабля ракушками, была облеплена друзьями и подружками.

Почти всех подружек жена знала, хотя ни за что и никому не призналась бы в этом. Она, такая гордыня, относилась к слабостям мужа снисходительно, никогда его не обсуждала и не осуждала, наоборот, подчёркивала властные полномочия в семье. Даже когда из небытия вынырнула «Катюшка с шестой фермы», мать, похоже, расстроилась не из-за Катюшки, а потому, что обреталась та рядом с отцом несанкционированно, без её ведома...

Кстати, зять восторгался дипломатичностью тёщи, ставил её жене в пример и называл штурманом за бдительный контроль на дороге.

Даже с заднего сиденья автомобиля она давала водителю указания: «вправо-влево», «не спеши, ему некогда, пусть обгонит».

Отец только посмеивался над этой её привычкой, пропуская команды мимо ушей. Он вообще был человеком лёгким, не конфликтным. Когда чувствовал, что обстановка в доме накаляется, что мать с Ольгой, занятые каким-то неудачным шитьём, дуются друг на друга, громко и весело говорил им на суржике — кубанской смеси украинского и русского языков, бывавшей на Кубани:

— Ну что, девчата? Дочка шие тай спивае, а мать порэ тай плаче?

И обе женщины не могли не улыбнуться, потому что присказка попадала в самую точку.

Зато в вопросах, какую шляпу ему надеть под костюм или как ровно перевесить орденские планки на новом пиджаке, мать главенствовала. И галстук ему завязывала, потому что сам не умел.

...Любовь, оказывается, бывает разной. Но невозможно ошибиться, что то была любовь...

Давно прошло время, когда «мать-бабушка», красивая и сильная, наварив с утра кастрюлю борща, нагладив дочери школьную форму, прополов грядки в огороде и чуть-чуть подкрасив губы, опрометью бегала на работу, да ещё и сердилась, если отец останавливал служебную легковушку и предлагал её подвезти.

— Не хватало еще, чтоб люди сказали: парторг на работу жену возит! — выговаривала она ему вечером, накрывая стол для очередной делегации чехословацких колхозников. Она слыла искусной кулинаркой и безропотно брала на себя общественную нагрузку — угощать гостей из всех волостей

и стран-побратимов, которые во множестве прибывали тогда в станицу с загадочной целью — по обмену опытом.

...С утра пораньше в дом завозились мясо из столовой, помидоры с поля, арбузы с бахчи, и хозяйка засучивала рукава...

Ольга Петровна не помнит, чтобы вокруг крутились помощники. Ну конечно, разве мать позволила бы себе эксплуатировать чужой труд? В своё оправдание она всегда шутила:

— Чем объяснять, как надо, легче самой сделать!

Она и делала, и всё успевала, и терпеть не могла жалобы типа «как я устала!». Ольга не помнит, чтобы мать хоть раз пожаловалась на усталость.

И по выходным не отдыхала, а бежала к соседям «на саман». Модно в те годы было сообща строить дома. Точнее, делать для них строительный материал.

На «саман» собирали всех родных, друзей и соседей. Босьми ногами месили глину с песком и навозом, добавляли солому, стружку, закладывали в опалубку и оставляли сохнуть, пока мастер не начнут кладку стен. На «саманах» всегда было многолюдно, шумно, весело. И мать с отцом, конечно, не могли не трудиться вместе со всеми.

«Что людям, то и нам», — часто говаривала мать и неуклонно следовала этому правилу.

Там же, в каком-то самане, до сих пор живёт потерянный ею камень из легендарного немецкого перстня.

Ольга, вырвавшись на неделю в Египет, вставила в пустую огранку красивый жёлтый топаз и надевает перстень как талисман, как мамино благословение.

Жаль, что невнимательно она слушала историю этого сокровища.

В памяти остался только смутный сюжет: когда через станицу гнали колонну немецких военнопленных, мать, любимой присказкой которой было «всех жалко», дала одному, самому тощему и несчастному, полбуханки хлеба, а он ответил ей золотым колечком, наверняка тоже родительским оберегом, от которого мать с испугом отнекивалась — мало ли что, да и равноценный ли обмен?

Справедливость всегда была её коньком. Однако перстень этот она по молодости всегда носила и с горечью вспоминала, как потеряла сверкающую бриллиантом стекляшку.

Мать, в чём тоже никогда не признавалась, любила красивые вещи, хотя в голодные послевоенные годы о них знали разве что полковничьи жёны, мужья которых дошли до Берлина и привезли домой и ковры, и сервизы, и красивые наряды.

А мать, волей-неволей став модисткой, шила себе и дочери платья из ацетатного шёлка и штапеля — в каждой семье тогда хранились такие обязательные «отрезы». До сих пор стоит у Ольги Петровны перед глазами яркая блестящая клеёнка на обеденном столе, раскатанный на ней кусок искусственного шёлка и пожелтевшие выкройки из газет, которые аккуратно раскладывает на ткани мама, собираясь шить дочке платье. Сама она новое платье даже надеть стеснялась.

Хотя в молодости была писаной красавицей, в чём можно убедиться, глядя на старое фото, где она в белой косыночке сидит посреди огромного, только что убранного поля, и выглядывает по меньшей мере голливудской артисткой, наряженной крестьянкой. Да она и была похожа на Элизабет Тейлор. И лицом, и фигурой, и гордым взглядом из-под густых чёрных бровей.

Всех женщин её поколения унижала совковая нищета и безвкусица, но красавицы страдали больше всех.

Хотя вряд ли отдавали себе в этом отчёт. А если и отдавали, то прятали это чувство глубоко в душе.

Признались в том, что ты мечтаешь о красивой и благоустроенной жизни, в то время называлось мешанством. Его высмеивали во всех газетах. «Мы знаем, есть ещё семейки, где наше хаот и бранят, где с обожанием глядят на заграничные наклейки, а сало русское едят!» — с детских лет Ольга Петровна запомнила эту басню Сергея Михалкова, без конца транслируемую по радио.

«Сытно как сало» — вот критерий всех советских кулинарных изысков. А эталон одежды — «лишь бы рукава не короткие», ведь почти всё покупалось и шилось «на вырост».

Ольга Петровна до сих пор жалеет, что на могильный памятник поставила, послушав окружающих старушек, которые убедили её в том, что «здесь покойница слишком молодая», не фотографию мамы — звезды Голливуда, а ту, на которой она действительно похожа на Вассу Железнову — хмурая, с поджатыми губами и тяжёлым застывшим взглядом.

Слава богу, что на весах горя и страданий после её кончины эта вина Ольги не самая тяжёлая.

(Окончание в следующем номере)